

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-104-110

УДК 94

ЕЛЕНА ЛОПАТИНА

Русификация как инструмент интеграционной политики Российской империи (На примере Привислинского края)

Аннотация. Статья посвящена политике русификации, проводимой в 1880–1890-е годы правительством Александра III. В фокусе анализа — ситуация в Привислинском крае, где русификация проводилась при И.В. Гурко, генерал-губернаторе края и командующем войсками Варшавского военного округа, и А.Л. Апухтине, занимавшем пост попечителя Варшавского учебного округа. Автор приходит к выводу о ситуативности и несистемности проводимой на польских землях политики унификации и русификации, которая лишь на бумаге и в официальных документах представляла собой стройную систему мер.

Ключевые слова: Привислинский край, русификация, унификация, политика Российской империи.

Идеи управления национальными окраинами применительно к потребностям центра занимали умы имперских сановников во все времена. Проблема организации системы региональной власти остается актуальной и по сей день, особенно в многонациональных государствах.

Рассмотрим один из инструментов интеграционной политики Российской империи конца XIX в., который имперское правительство использовало для усиления лояльности центральным властям в беспокойном западном регионе — Привислинском крае, или Царстве Польском. Реформы управления проводились здесь при Иосифе Владимировиче Гурко, который занимал пост генерал-губернатора Привислинского края¹ и командующего войсками Варшавского военного округа в 1883–1894 гг., и при Александре Львовиче Апухтине, занимавшего пост попечителя Варшавского учебного округа с 1879 по 1897 г. В историографии взгляды и деятельность обоих администраторов, как правило, объединяют [Об этом см.: Chimiak, s. 42–43], говоря о политике Гурко — Апухтина, хотя есть различия и в датах их службы в провинции, и во взглядах на ряд ключевых проблем.

1 Последним, кто носил титул наместника Царства Польского, был граф Ф.Ф. Берг. С 1874 г., после смерти Берга, в официальных документах Царство Польское стало называться Привислинским краем, а управляющий краем — генерал-губернатором, по аналогии с другими провинциями Российской империи.

Сведения об авторе: Лопатина Елена Борисовна — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук; ellolebo@gmail.com.

Уже в начале XX в. исследователи заговорили о внутривластном курсе Александра III как о ярком примере русификации по отношению к нерусским губерниям. Однако ни дореволюционные, ни советские исследователи не сформулировали четких дефиниций термина «русификация» [Россия...с. 140–145; Корнилов, с. 87–92; Манусевич, с. 190; Чернуха; Зайончковский, с. 15–20]. Ситуация несколько изменилась только в постсоветское время, когда на смену устоявшимся концепциям и формулировкам, применяемым в пределах метода исторического материализма, пришли новые подходы.

Теоретический анализ термина представлен в работах А.И. Миллера. В монографии 2006 г. «Империя Романовых и национализм» содержится целая глава «Русификация или русификации?», проблематизирующая это понятие, что очевидно уже из названия [Миллер, с. 54–77]. Автор предлагает более избирательно и осознанно пользоваться термином «русификация», поскольку он «не описывает явление, но оценивает его. Тогда, во-первых, важно определить критерии формирования таких оценочных суждений. Во-вторых, следует ясно различать, оцениваем ли мы интенции властей или «объективное» содержание процесса» [Там же, с. 5].

Для примера обратимся к такой форме русификации, как насаждение русского языка в качестве языка делопроизводства. Это могло быть мотивировано на разных этапах снижением издержек и соображениями эффективности работы бюрократии, а могло быть сознательным стремлением именно к русификации. С точки зрения анализа политики царского правительства один и тот же факт может свидетельствовать как о недальновидности и консерватизме центральной имперской администрации, так и, напротив, о благих намерениях властей.

А.Ю. Бахтурина в своих работах предпочитает не замечать исследований Миллера и пытается представить некую альтернативу утвердившемуся «в зарубежной историографии мнению об однозначно русификаторском курсе национальной политики Российской империи и СССР» [Бахтурина, с. 9]. Исследовательница предлагает свой взгляд на проблему:

«В российской историографии термин «русификация» вновь появился в начале 1990-х гг. как под влиянием зарубежных исследований, так и в связи со стремлением к опровержению историографических оценок предшествующего периода. В связи с этим представляется крайне важным дать определение понятия «русификация», чтобы на его основе анализировать отдельные мероприятия российской национальной политики. Для этого необходимо отметить, что основными признаками, при помощи которых определяется принадлежность к той или иной нации, являются язык, религия и культура. Соответственно, политика, направленная на нарушение национальной идентичности, в данном случае курс на русификацию, должна в первую очередь затрагивать перечисленные компоненты. Имеющиеся немногочисленные отечественные и зарубежные исследования единодушно подчеркивают, что значительную часть государственной политики на окраинах составляли административно-правовые мероприятия. Нередко их рассматривают как проявление русификации. Поэтому в настоящий момент в изучении истории национальной политики Российской империи назрела настоятель-

ная необходимость провести границу между политикой русификации и деятельностью правительства по рационализации системы государственного управления, вычленив собственно русификаторские мероприятия и меры по укреплению единого административно-правового пространства империи. Для этого необходимо комплексное исследование как проблем управления окраинами, так и культурно-языковой и конфессиональной политики на окраинах» [Там же, с. 11–12.].

Эта пространная цитата внутренне противоречива: отделить «чистую» русификацию от «чисто» имперских мероприятий по рационализации управления (например, для эпохи Александра III) вряд ли возможно — это, на наш взгляд, единый пласт правительственной политики (отсюда, кстати, и совсем не случайное устойчивое сочетание фамилий «русификатора» Апухтина и «администратора» Гурко).

О том, что следует по-новому взглянуть на проблемы русификации национальных окраин, рассуждает и исследователь жизни и судьбы императора Александра III как человека и как правителя А.Н. Боханов. По мнению историка, «в эпоху Александра III суть “русификаторства” формулировалась следующим образом: обеспечить приоритеты русскому (православному) элементу, добиться того, чтобы русские и русское стало в империи первым и главным. При этом речь не шла о том, чтобы все «нерусские» должны быть или изгнаны, или насильственно “превращены” в русских» [Боханов, с. 436–437].

Чтобы оценить масштабы кадровой русификации на разных окраинах империи, нужно провести количественный анализ состава чиновничества. Этот вопрос стал сравнительно недавно интересовать исследователей, поэтому многое еще предстоит сделать. Однако подсчеты, сделанные в уже опубликованных работах, свидетельствуют, что стремление к кадровой русификации бюрократии не следует преувеличивать. В частности, Л.Е. Горизонтов показал, что поляки составляли значительный процент чиновников Царства Польского даже после восстания 1830–1831 гг., их численность в имперском аппарате управления осталась значительной и после восстания 1863–1864 гг., и в эпоху Гурко — Апухтина [Gorizontow].

В коллективном труде «Западные окраины Российской империи» авторы говорят о проблемах ассимиляции в Юго-Западном крае и о политике деполонизации в Привислинском крае [Западные окраины... с. 266–272]. Такой подход к внутренней политике российских властей на нерусских окраинах империи перекликается с мнением Миллера о том, что «русификация» не является универсальным понятием, описывающим весь комплекс мероприятий, проводимых царской администрацией в западных губерниях. Следовательно, оправданно использование новых, возможно, более четких формулировок.

Итак, в российской историографии XX — начала XXI в. прослеживается определенная эволюция представлений о том, что же считать русификацией конца XIX в. Вместо использования термина в исключительно негативном значении исследователи приходят к необходимости классифицировать совокупность явлений, определяемых этим термином, и разобраться в природе каждого из них, будь то русификация, аккультурация или ассимиляция. Сформулирован общий принцип решения поставленной зада-

чи — анализ многообразия «русификаций». Представляется, что в этом направлении можно продолжать плодотворные исследования проблемы.

Исходя из вышесказанного, можно дать следующее определение: русификация — комплекс мер, осуществляемых официальными властями, направленных на обрусение жителей какой-либо территории, а также и сам процесс такового обрусения — как в языковом, так и в культурно-религиозном плане.

В 70–90-е годы XIX в. реформирование системы управления национальными окраинами шло не только в Российской империи, но и в ряде европейских государств, в том числе в Пруссии и Австро-Венгрии.

Политика унификации Привислинского края выражалась в системе административных, социальных, кадровых, конфессиональных и других преобразований, проводимых специально созданными учреждениями с русской администрацией. Отдельный вопрос, остро беспокоивший жителей Царства Польского, был связан с положением польского языка в империи. Русификация образования — введение обязательного преподавания основных предметов в средней и высшей школе Царства Польского на русском языке — заставляла задуматься о судьбе родного языка. Не без оснований образовательная политика 1880–1890-х годов ассоциировалась с именем «энтузиаста обрусения» А.Л. Апухтина [Borejsza; Kieniewicz].

Что касается действий администрации Гурко — Апухтина в целом, в 1880 — начале 1890-х годов были приняты и проведены в жизнь следующие меры властей: предоставление льгот жителям внутренних областей Российской империи, решившим переселиться в Привислинский край, с целью укрепления «русских основ» в регионе; сервитутное право¹; ограничение влияния католической церкви (законодательно ограничивалась деятельность католических гимназий и «латинских» религиозных братств, вводился надзор за расходом денежных средств католической церковью на территории Российской империи).

Политика в области образования была направлена на подчинение образовательной сферы Привислинского края общеимперской системе. С этой целью основные положения университетского устава 1884 г. были перенесены и в Варшавский университет. «Правила о студентах» 1885 г. признавали студентов «отдельными посетителями университета» и не разрешали легально создавать студенческие организации, не носящие научного характера. Вышло постановление об увеличении денежных средств Варшавского университета для улучшения материального благосостояния наиболее достойных его профессоров. Система средних учебных заведений, уже подчиненная общим уставам гимназий и реальных училищ, подвергалась некоторым изменениям в сторону улучшения материального обеспечения и привлечения как можно большего числа русских преподавателей.

---

1 Сервитут — ограниченное право пользования чужой вещью в земельных отношениях (в дореволюционной русской правовой терминологии — право участия частного).

В 1885 г. введен пост инспектора начальных школ для выполнения надзорных функций. В остальном политика правительства относительно начального образования осталась прежней, соответствующей указу «О начальных училищах в Царстве Польском» 1864 г. Это означало запрет преподавать в народных школах католическим священникам, привлечение в качестве учителей политически благонадежных, то есть прорусски настроенных кандидатов, возможность получения начального образования на родном языке.

Красной нитью в мероприятиях администрации Привислинского края в эпоху Александра III проходят постановления, связанные с расширением сферы применения русского языка в общественной жизни региона. Это, с одной стороны, нивелировало традиции польской национальной культуры, но с другой — приносило определенную выгоду коренному населению. Свободное владение официальным языком империи было практическим навыком, который позволял продвигаться по службе и реализовываться в общественной жизни. Поэтому те жители национальных окраин, которые хотели «найти себя» в масштабах империи, осваивали русский язык и общеимперские культурные модели.

Последнее не приводило к смене национальной идентичности — напротив, скорее культурно обогащало. Это верно даже в отношении такого политического деятеля, как лидер национал-демократов Роман Дмовский, который именно при Александре III окончил в Привислинском крае русскую гимназию и русский университет.

Но оценивать заявление министра юстиции И.Г. Щегловитова о «колоссальных успехах русского языка в Царстве Польском» следует крайне осторожно. Можно вспомнить хотя бы слова мемуариста Т. Червиньского, утверждавшего, что Апухтин «обещал, что через 10 лет польские няньки будут петь новорожденным русские песни. А тем временем, и через 18 лет польские дети и их няни кем были, тем и остались...» [Czerwiński, s. 46].

Территория Привислинского края была составной частью Российской империи. Целью российских властей было воспитание лояльности, и необходимым условием для этого являлось наличие в самосознании населения элемента принадлежности к более обширному образованию — Российской империи в целом.

Стоит отметить, что все перечисленные мероприятия как нельзя лучше соответствовали правительственному курсу на интеграцию национальных окраин в составе Российской империи. Интеграция Царства Польского была необходима российским властям для удержания данной территории и обеспечения стабильности западной границы государства. Сама логика существования империи предполагала ее расширение и рост ее могущества, и Российская империя в этом смысле не отличалась от остальных держав — Англии, Пруссии и т.д. Мировая история наглядно доказала, что государство тем прочнее, чем более оно едино, а различия в законодательстве и административном делении на местном уровне неизбежно ведут к сепаратизму на национальной или региональной основе. Однако интеграция предполагает подчинение новых территорий всем требованиям империи. Присоединенным народам, в нашем случае — полякам,

предписывается отказаться от тех элементов устройства (административного, законодательного, военного и т. д.), которые противоречат общеимперским.

Впрочем, абсолютная унификация всего населения империи была бы не только невозможной, но даже ненужной: всегда существуют как различия, мешающие взаимопониманию и взаимодействию, так и просто черты, составляющие национальное или местное своеобразие и никак не влияющие на безопасность и функционирование государства. Проблема в том, что в ряде случаев не существует единого мнения, к какой группе относится та или иная сторона жизни присоединенных народов.

Предпринимавшиеся в годы правления Александра III меры по укреплению «русского начала» в Царстве Польском были частью более общей политики реформирования империи в ответ на вызовы менявшейся ситуации в стране и мире. Нацеленность на слияние центральных областей с национальными окраинами была вызвана беспокойством правительства относительно степени благонадежности жителей окраинных областей. Варшавский обер-полицмейстер в отчете за 1892 г. приводит такие соображения:

«Исключительное положение вверенного моему управлению города, как ближайшего к западноевропейским государствам торгового и промышленного центра, в коем деятельность полицейских органов значительно осложняется, с одной стороны, известной склонностью сплотившегося еврейского населения к нарушениям законного порядка, а с другой — вследствие разнообразия национальностей в составе прочего населения с преобладающим в нем польским элементом, сохранившим поныне традиции своей народности и готовым при малейших осложнениях послужить источником возникновения не только отдельных беспорядков административного характера, но и народной смуты в здешнем крае, вызвало необходимость согласования всех мероприятий и распоряжений со всеми этими разнообразными условиями» [Raporty... s. 6].

С точки зрения безопасности империи было необходимо выработать эффективную государственную программу по управлению окраинными областями. Первые попытки в этом направлении делались еще в конце XVIII в., когда польские земли только вошли в состав Российской империи. Именно в конце XVIII — начале XIX в. появились первые проекты по обеспечению взаимодействия Российской империи и польских земель в рамках одного государства (заключение личной унии, предоставление Конституции Царству Польскому). Однако с течением времени механизмы унификации имперских окраин менялись, и в 1880–1890-х годах таковыми стали меры в духе усиления «русского начала» на западных окраинах империи.

Что можно сказать об эффективности политики, проводимой в эпоху Гурко и Апухтина?

Как известно, стабильность той или иной административно-политической системы определяется тем, насколько она способна в экстремальных условиях реформ или корректировочных преобразований избежать конфликта, добиться консенсуса или даже

сотрудничества с обществом в лице его просвещенных слоев. В конечном счете, это во многом определяет успех или неуспех проводимых преобразований.

Часто то, что легло в основу политики времен Александра III, сводилось на нет нечеткостью, заложенной в законодательстве Российской империи, отсутствием эффективной финансовой системы, противоречиями между представителями центральной власти в регионе. Как следствие, не стихала критика российской администрации со стороны польской просвещенной общественности. Это и снизило результативность проводимой при Александре III политики. А наступившая после 1897 г. и особенно после 1905 г. очередная корректировка имперского курса в «русской Польше» еще больше ослабила эффект от преобразований 1880 — 1890-х годов.

Литература

- Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. М. 2004.
- Боханов А.Н.* Александр III. М. 1998.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М. 1978.
- Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М. 2006.
- Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг. 1915.
- Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. М. 1952.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М. 2006.
- Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.
- Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л. 1978.
- Borejsza J. W.* Piękny wiek XIX. Warszawa. 1990.
- Chimiak L.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław. 1999. S. 42–43.
- Czerwiński T.* Pamiętniki. Kielce. 1931.
- Gorizontow L.E.* Aparat urzędniczy Królestwa Polskiego w okresie rządów Paskiewicza // Przegląd Historyczny. 1994. №1.
- Kieniewicz St.* Warszawa w latach 1795–1914. Warszawa. 1976.
- Raporty warszawskich oberpolicejmajsterów (1892–1913), oprac. H. Kiepuska, Z. Pustuła. Wrocław. 1971.